

СИРМУС

СТЕФАН
СЕРБАН

МИФ
ПРОЗА

— Это пчицы?

— Нет, Малыш, — ответила девушка, — это не птицы.

Мальчик вглядывался в бескрайнее покрывало, которое ночь раскинула над этим уголком мира. Хижина громоздилась на ветвях Дуба метрах в десяти над землей. Авриль и Малыш лежали на дощатом настиле, нависавшем террасой над пустотой, так что можно было представить, будто они застряли посреди неба.

— Это звездопад.

Ночь была усыпана золотой пылью, расчерчена яркими следами комет, которые летели сюда умирать с другого конца Вселенной. Авриль еще никогда не видела столько звезд. В последнее время ночи стали едва ли не ярче дней, словно огромный зверь раздирал когтями небо.

— Ты уверена? Это точно не пчицы?

— Нет, — повторила Авриль терпеливо, — я же тебе говорила, у настоящих, живых птиц были крылья. А это — звезды. Точнее, осколки звезд. Огромные падающие камни. То, что ты видишь, — их последние секунды.

Авриль устала и была не готова объяснять Малышу, как метеоры загораются, входя в атмосферу. Как они рассыпаются в пыль, и как эта пыль покрывает мир. Та пыль, что, должно быть, прямо сейчас незаметно посыпает землю. Та самая пыль, на которой потом видны их следы.

— Это *цвездонад*, — кивнув, сказал Малыш, — *цвездонад!* Красивый, правда?

— Да, Малыш, — согласилась Авриль, — красивый.

Какое-то время Малыш лежал молча. Огромный Дуб мягко покачивался. Всё небо было в красно-золотистых полосах, отчего ночь напоминала восточные узоры или картину того художника с отрезанным ухом, чье имя Авриль забыла. Казалось, будто все звезды бегут на восток, но, как ни странно, небо там было гораздо темнее. Великолепное и страшное зрелище.

— Авриль, скажи, а зачем эти *цвезды* бегут туда? — спросил Малыш, повернув к девушке голову. — Они играют в *пятки*?

— Нет, они просто летят.

Малыш почесал нос.

— Значит, они боятся?

Авриль погладила его по грязной щеке.

— Не волнуйся, Малыш, звезды ничего не боятся.

Глаза мальчика блестели в темноте, точь-в-точь как сияющие звезды.

Малыш неуверенно улыбнулся сестре. Авриль понимала, что ее объяснений недостаточно. Понимала, какие вопросы рождаются сейчас в детской головке брата: зачем бежать, если тебе ничего не угрожает? Если тебе где-то хорошо, почему бы там не остаться? Малыш был убежден: если уж звезды вдруг ринулись на другой край неба, значит, им грозит опасность и кто-то или что-то гонится за ними. Авриль попыталась представить, кто бы это мог быть. Сидит ли там наверху яростный Бог, от которого хотят спрятаться даже звезды? И есть ли на небе что-то кроме человеческой тени? Вечно не насытного, людоедского голода?

Авриль опять погладила мальчика по щеке.

— Не волнуйся, братишка. Хочешь, посмотрим завтра в Книге Мадам Мо?

Помедлив, Малыш кивнул.

— Ладно. — И свернулся, прижавшись к сестре.

Так они долго лежали на досках террасы, на головокружительной высоте и смотрели, как умирающие звезды озаряют небо. Где-то внизу в темноте шумели сосны. Всё казалось спокойным и мирным.

— Знаешь, — сказала Авриль, — раньше считалось, что, когда видишь падающую звезду, нужно загадать заветное желание.

— А что такое заветное желание?

— То, чего ты сильно-сильно хочешь, в самой глубине души.

Мальш поднял глаза на Авриль. Исполосованное небо озаряло его угловатое лицо, так что казалось, по нему тоже рассыпана золотая пыльца.

— Тогда у меня в душе сплошные эти желания, — сказал Мальш.

— Да? Ну и что бы ты загадал?

Мальш всерьез задумался.

— Во-первых, вкусной еды. Очень вкусной. Много-много нутových оладий. А во-вторых... во-вторых, увидеть настоящую *пчицу*. — Мальчик пытался считать на пальцах, как его учила Авриль, но сбивался. В конце концов он хлопнул в ладоши. — И еще чтобы Сириус скорее вернулся. Тогда мы пойдем на Гору и найдем папу с мамой.

Авриль молча взъерошила ему волосы.

— Но знаешь, какое главное желание? — добавил мальчик.

Авриль улыбнулась ему:

— Нет, скажи.

— Чтобы мы всегда были вместе, сестренка.

Авриль обняла Мальша. Они подняли глаза на потрепанный узор неба и вместе загадали главное желание Мальша.

— Так и будет, Мальш.

— Ты думаешь, сбудется?

— Да, звезды все слышат.

Вскоре мальчик уснул, и Авриль перенесла его в хижину на тюфяк, набитый сухим папоротником. Каким легким было его тело.

Авриль слушала спокойное дыхание брата, надеялась, что им никогда не придется покинуть их убежище. Малыш не понимал, что мир за пределами леса не походил на милые цветные фотографии из Книги Мадам Мо. Это было скорбное место, где горят лишь черные звезды.

Утром Авриль проснулась от землетрясения. Она встала. Скоро будет еще один толчок. Осторожно вышла на середину хижины, чувствуя, как качается дерево.

Малыш пробурчал что-то и повернулся на тюфяке, натянув на голову потертое одеяло. Листья Дуба задрожали от второго толчка.

Послышался грохот, и тут же трухлявые доски крыши проломились с громким треском. Ворох листьев, щепок и пыли обрушился Авриль на плечи. Кашляя, она вышла на террасу перед хижинкой.

Умыла лицо, наклонившись над тазом с дождевой водой. Затем выпрямилась и полной грудью вдохнула свежий и влажный утренний воздух. Далеко внизу, у подножия их Дуба, туман лентами вился между деревьев и лес гудел эхом мертвых, поваленных землетрясением стволов. Авриль прислушалась, не бренчат ли консервные банки, но было слышно только, как стонут деревья.

Размотала веревочную лестницу и спустилась к нижним ветвям. Авриль тщательно осмотрела кору в поисках трещин. Дуб был невредим. Он упадет не скоро.

Эту хижину Авриль нашла пять лет назад, когда Малыш был еще крохой. Она почти полгода бродила по дорогам, как вдруг заметила это великолепное, необъятное дерево, устремившее ветви к небу. Авриль пошла через лес, как на маяк. А подойдя к Дубу, увидела веревочную лестницу, спадавшую

